

Ф. А. Голубинский

**Премудрость и благодать
Божия**

В судьбах мира и человека

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Ф11

Ф11 **Ф. А. Голубинский**
Премудрость и благодать Божия: В судьбах мира и человека / Ф. А. Голубинский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 320 с.

ISBN 978-5-458-56605-6

ISBN 978-5-458-56605-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ему: онъ весь отдался служенію другимъ. Скрамная квартира его, со стѣнъ которой глядѣли только суровыя лица подвижниковъ, всегда была переполнена посѣтителями. Здѣсь бывали всѣ: іерархи и причетники, ученые и простецы, православные и невѣрующіе, богачи и бѣдняки. Голубинскій не взиравъ на лица; это знали всѣ и съ этимъ считались. Каждый изъ посѣтителей приходилъ за чѣмъ-либо къ Θεодору Александровичу, и общительный хозяинъ всѣмъ имъ былъ чѣмъ-либо полезенъ: одному скажетъ ласковое слово утѣшенія, другому предастъ отеческое наставленіе, съ третьимъ поведетъ мудрую бесѣду. Вольнодумцы находили въ Голубинскомъ мудраго собесѣдника и блестящаго защитника православія; подъ вліяніемъ его рѣчей не одинъ вольнодумецъ принять въ лоно церкви, и не одинъ невѣрующій обратился къ вѣрѣ.

Къ Θεодору Александровичу нерѣдко являлись бѣдняки. И, несмотря на то, что на его попеченіи было семейство изъ жены и четырехъ дѣтей и родственники, жалованья же онъ получалъ всего лишь 700 рублей въ годъ,—онъ все-таки находилъ возможность помогать и другимъ. Нерѣдко при этомъ вмѣсто благодарности ему платили грубостями, огорченіями. Но онъ сносилъ все съ великимъ терпѣніемъ и даже благодарилъ Бога за эти огорченія. «Благодарить надо Всевышняго Милостынераздаятеля,—говаривалъ онъ,—за то, что сподобилъ не только помочь бѣднымъ, но и вѣчто претерпѣть. Какія это алмазныя привѣски къ золотой цѣпочкѣ!» Заботливость о другихъ у Голубинскаго доходила до того, что онъ, строго исполнительный въ своихъ обязанностяхъ, нерѣдко откладывавъ въ сторону бумажныя дѣла, чтобы помочь живымъ людямъ.

Христіанинъ въ личной жизни, Голубинскій былъ такимъ же и въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ. Онъ былъ глубокимъ философомъ и даже считается родоначальникомъ философіи у насъ, въ Россіи. Лекціи его выслушивались студентами съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, такъ какъ въ этихъ лекціяхъ видно было постиженіе самой глубины философіи. Но, не ограничивая правъ разума, Θεодоръ Александровичъ совмѣщавъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ глубокую религиозность. Глубокіе умы западныхъ философовъ-мыслителей, труды которыхъ онъ разбиралъ, не могли поработить его: онъ самъ всегда оставался строго-православнымъ мыслителемъ. На философію онъ смотрѣлъ лишь какъ на любовь къ мудрости, какъ на тотъ путь, который приводитъ къ ней. Самая же мудрость, истина, по его взглядамъ, подается человѣку свыше и заключается въ православномъ христіанскомъ ученіи, защитѣ и выясненію котораго онъ и посвятилъ свою жизнь.

Правъ былъ одинъ изъ друзей Голубинскаго, писавшій ему въ

письмѣ: «Немногимъ даются въ удѣлъ нѣмецкая образованность и милое простодушіе русскаго священника, столь вамъ свойственныя, нѣжная, скажу, дѣтская любовь къ ближнимъ, къ роднымъ, возвышеннѣйшее любленіе всего святаго человѣчества, истинная экзальтація сердца и ясный рационализмъ ума, философія и религія, мудро сочетающіяся въ просвѣщенномъ умѣ и благодатствованномъ сердцѣ».

Таковъ былъ, дѣйствительно, этотъ великій философъ-христіанинъ; такимъ же духомъ и направленіемъ отличается и его предлагаемое произведеніе.

Настоящее изданіе, составляющее приложеніе къ журналу «Русскій Паломникъ» за 1906 годъ, печатается съ послѣдняго, четвертаго изданія (С.-Петербургъ, 1894). Предлагая его своимъ читателямъ, редакція вполне увѣрена, что эта квига оставитъ по себѣ прекрасное впечатлѣніе у всякаго, кто ее прочитаетъ, — будь то глубоковѣрующій или скептикъ, образованный интеллигентъ или простолюдинъ, — и послужитъ къ вѣщему утвержденію христіанской вѣры и доброй жизни.

Содержаніе и исторія ученія о конечныхъ причинахъ, или цѣляхъ.

Вы желаете знать, въ чемъ состоитъ ученіе о конечныхъ причинахъ и дѣйствительно ли оно разрушено въ наше время новыми открытіями и изслѣдованіями наукъ положительныхъ, какъ увѣряетъ въ этомъ Э. Литтре, который въ статьѣ своей: „О важности и успѣхахъ фізіологіи“¹⁾ говоритъ: „Сцѣпленіе біологическихъ законовъ, даже происходящія отъ нихъ искусства, возможность навѣрное имѣнать организмы, все это окончательно разрушило ученіе конечныхъ причинъ, которое, будучи изгнано изъ другихъ наукъ, долго держалось за организмъ живыхъ тѣлъ... Оставимъ въ покоѣ это прошедшее. Одна изъ великихъ заслугъ положительной науки состоитъ въ изгнаніи отсюда этихъ вымышленныхъ цѣлей природы и замѣненіи гипотезъ фактами... Все равно, такъ ли или иначе устроены вещи, и когда земля дрожитъ, поглощаетъ города, выбрасываетъ горящую лаву и отодвигаетъ море, тутъ происходитъ просто борьба теплорода, упругости газовъ и тяжести... Все это—необходимое дѣйствіе свойствъ матеріи. Всякое возмущеніе въ системѣ показываетъ, что тутъ дѣйствуютъ не высшія цѣли, а свойства матеріи: система міра полна такихъ возмущеній... Солнце сіяетъ и грѣетъ... но то же солнце жжетъ и сушитъ; почва песчана и бесплодна, и наша блуждающая планета движется по косвенному пути, мало защищенная, какъ доказываютъ полярныя страны, своею атмосферою и солнцемъ отъ 60 градуснаго холода“ (стр. 162, 163), и пр.

¹⁾ Эта статья напечатана въ журналѣ: „Современникъ“, 1847 г. № 2, стр. 125—164.

Дѣйствительно, удержаніе въ философіи или разрушеніе ученія о конечныхъ причинахъ стоитъ вниманія и заботы людей размышляющихъ, потому что съ этимъ соединено рѣшеніе вопроса: основательно ли, разумно ли убѣжденіе въ томъ, что міръ физическій и нравственный премудро устроенъ и предназначенъ къ благимъ цѣлямъ Высочайшимъ Умомъ, или это только старая гипотеза, ни на чемъ не основанная и окончательно разрушенная современными успѣхами физиологіи, достаточно объясняющей все изъ необходимато дѣйствія свойствъ матеріи, которая, конечно, не имѣетъ въ виду никакихъ цѣлей и не знаетъ различія между добромъ и зломъ!

Исполняя желаніе ваше, я постараюсь изложить содержаніе и исторію ученія о конечныхъ причинахъ, или цѣляхъ, и показать слѣды цѣлесообразнаго устройства въ мірѣ физическомъ и нравственномъ.

Всякая цѣль предполагаетъ дѣйствованіе ума и воли и въ умѣ—мысль о какомъ-нибудь добрѣ, котораго нужно достигнуть, а въ волѣ—желаніе того добра и принятіе средствъ къ его достиженію. Мысль о добрѣ, котораго желаемъ достигнуть, называется у философовъ „конечною причиною“, а дѣйствія, приспособленныя къ достиженію этого добра,—средствами къ цѣли. Частныя цѣли подчиняются общимъ, и въ связи общихъ цѣлей есть свой порядокъ: однѣ изъ нихъ ниже, другія выше, и всѣ вмѣстѣ должны подчиняться одной цѣли—высочайшей. Чтобы точнѣе опредѣлить это, нужно разсмотрѣть различныя степени добра. Умъ, при помощи опыта, особенно внутренняго, видитъ противоположность добра и зла, и въ самомъ добрѣ различныя степени. Добро добра выше. Еще и не зная точно, въ чемъ состоитъ истинное добро, зная только, что оно должно быть нѣчто достойное желаній существа разумнаго, мы въ правѣ сказать, что добро безусловное, то есть, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ обратиться въ зло, лучше добра условнаго и относительнаго; добро полное и общее, для всѣхъ вождельнное, лучше неполнаго и частнаго, добро вѣчное лучше преходящаго. Въ чемъ же должно состоять добро? Въ проявленіи совершенствъ Существа Всесовершеннаго. Въ отношеніи къ существамъ разумнымъ это опредѣляется ихъ существенными, неизгладимыми и всѣмъ имъ общими потребностями. Таковы въ умѣ нашемъ

жажда истины, въ волѣ—стремленіе къ нравственному совершенству, въ сердцѣ—желаніе счастья; а какъ и истины, и нравственнаго совершенства, и счастья источникъ и полнота — въ Богѣ, то всѣ потребности духа нашего сосредоточиваются въ одной, служащей для нихъ основаніемъ, потребности постоянного общенія съ Богомъ. Что удовлетворяетъ симъ потребностямъ, то и есть для насъ добро; что противорѣчитъ имъ, то для насъ зло: приближеніе къ Богу, вѣрность нравственному закону и любовь ко всѣмъ, истина и мудрость, миръ и радость сердца—добро; удаленіе отъ Бога, порочность и ненависть, незнаніе необходимыхъ истинъ и безразсудство, безпокойство и терзанія сердца—зло. Но добро добра выше. Жизнь вѣчная въ соединеніи съ Источникомъ всякаго совершенства — Богомъ есть добро полное и высочайшее; а ожесточенное противленіе Богу и отчужденіе отъ жизни Божественной есть крайнее зло. Жизнь временная представляетъ неполныя проявленія вѣчнаго добра, въ различныхъ степеняхъ. Здѣсь высшую степень занимаетъ совершенство нравственное, или преуспѣяніе въ добродѣтели, потому что оно уже не можетъ быть обращено во зло. Это добро безусловное, самоцѣнное. Ему совершенно противоположно свободное и упорное нарушеніе нравственнаго закона, или нравственное зло: оно-то и есть въ собственномъ смыслѣ зло, потому что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть совмѣстно съ доброй волею. А познанія истины и наслажденія жизнью, конечно, должны быть названы благами, такъ они соотвѣтствуютъ существеннымъ потребностямъ души, въ нихъ есть отраженіе совершенствъ Творца всевѣдущаго и всеблаженнаго, и безъ нихъ нѣтъ полного блаженства: но эта блага относительныя, условныя, потому что воля можетъ обращать ихъ въ средства и къ добру и къ злу, и притомъ различныя знанія и наслажденія не одинокою имѣютъ цѣну для человѣка: знаніе Бога и своего долга необходимо всякому, знаніе законовъ природы полезно многимъ, но не необходимо; а есть и такія знанія, которыхъ изученіе—лишняя трата времени; удовольствія совѣсти нужны для всякаго, какъ подкрѣпленіе души; удовольствія ума и вкуса драгоценны для людей образованныхъ, потому что могутъ освѣжать силы души, возвышать ее надъ владычествомъ чувственныхъ пожеланій и заботъ своекорыстныхъ, поддерживая ее въ тихомъ созерцаніи истины и красоты.

не приводящей въ волненіе кровь; удовольствія, возбуждаемыя чувствомъ здоровья, или покоя тѣлеснаго, удовольствія семейственныя и общественныя, при доброй волѣ, лучше страданій, при порочной—хуже. Такимъ образомъ и знанія и наслажденія, какъ блага условныя, не могутъ быть поставлены на одной степени съ добромъ нравственнымъ. Такова постепенность между благами души.

Что же сказать о мірѣ видимомъ? Нужно ли и въ немъ различать добро и зло? Или здѣсь царствуетъ только суровая необходимость, по которой и сохраненіе и разрушеніе, и порядокъ и безпорядокъ, и польза и вредъ—все равно? Не согласиться ли съ тѣми, которые говорятъ, что въ природѣ нѣтъ добра, нѣтъ устройства къ благимъ цѣлямъ? Если бы согласились съ ними, то наше сужденіе было бы противно суду Божию: „и видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра во зло“ (Быт. 1, 31). Конечно, существа физическія не содержатъ въ себѣ добра самоцѣльнаго, добра нравственнаго; не могутъ самосознательно и свободно проявлять совершенствъ Творца: но они могутъ отражать ихъ не для себя, а для наученія существъ, способныхъ понимать неясныя вѣщанія природы; они могутъ служить симъ существамъ къ ихъ пользѣ,—къ поддержанію и усовершенствованію жизни; а это есть тоже въ своей степени — добро. Цѣль міра физическаго—отраженіе совершенствъ Божіихъ и споспѣшествованіе къ благу міра нравственнаго; средства къ сей цѣли—постоянное выполненіе законовъ, вложенныхъ въ природу Творцомъ, чрезъ которое соблюдается порядокъ въ цѣломъ, загладываются частныя разстройства, сохраняются роды существъ, поддерживается, до опредѣленнаго времени, жизнь недѣлимыхъ и приготавливаются пособія, нужныя для существъ разумныхъ. А по отношенію къ нуждамъ сихъ существъ, міръ видимый есть для нихъ и жилище, и житница, и училище, и картинная галлерея, и мѣсто для упражненія и борьбы, и больница. Таково совершенство и добро, усматриваемое въ устройствѣ міра видимаго! Есть въ мірѣ и, такъ называемое, зло физическое—частныя уклоненія отъ законовъ и цѣлей устройства міра—неурожай, моровыя повѣтрія, болѣзни, насильственная смерть; но это—послѣдствія нравственнаго зла и вмѣстѣ средства къ сокращенію его силы. Физическое зло для существъ неодушевленныхъ не

есть зло, потому что частныя потрясенія не разрушаютъ общаго порядка, всегда возстанавливаемаго и сохраняющагося во вселенной; для животныхъ оно есть зло не въ собственномъ смыслѣ, зло относительное и скоропреходящее; для нравственныхъ существъ оно есть зло частное, ими самими заслуженное, и притомъ часто обращающееся въ добро, коль скоро служить къ уврачеванію отъ зла нравственнаго.

Сообразно съ сими понятіями о добрѣ и злѣ и о различныхъ степеняхъ того и другого, ученіе о конечныхъ причинахъ въ устройствѣ міра можно заключить въ слѣдующихъ положеніяхъ: Богъ всѣ Свои творенія устрояетъ такъ, чтобы они достигали или способствовали къ достиженію цѣлей, соответствующихъ Его благодати и премудрости. Цѣль Его при сотвореніи міра есть всевозможное проявленіе совершенствъ Его въ существахъ конечныхъ и возведеніе существъ разумныхъ къ вѣчному общенію съ Нимъ и выраженію Его совершенствъ въ своей дѣятельности: это есть благо высочайшее, главная цѣль бытія всѣхъ сотворенныхъ существъ, и всѣ другія цѣли ей подчинены. Ближайшее къ сей цѣли благо, еще въ жизни временной, есть нравственное преуспѣяніе въ добродѣтели; за нимъ слѣдуютъ относительныя блага, именно знанія, удовольствія совѣсти, ума, вкуса, здоровье; радости семейственныя и блага внѣшнія. Цѣль міра физическаго вообще есть отраженіе совершенствъ Божіихъ и споспѣшествованіе ко благу міра нравственнаго, въ особенности сохраненіе порядка въ цѣломъ, продолженіе родовъ существъ и поддержаніе, до опредѣленнаго времени, жизни недѣлимыхъ. Для достиженія сихъ цѣлей Творецъ далъ существамъ нравственнымъ и физическимъ достаточныя средства, то есть способности, законы, органы и соотношенія, и сіи данныя средства всегда поддерживаетъ и направляетъ къ нужнымъ цѣлямъ.

Это ученіе о цѣлесообразномъ устройствѣ міра—не новое, не гипотеза, вымышленная какимъ-нибудь умствователемъ, но древняя истина, ясно выраженная и многократно повторенная въ книгахъ Божественнаго Писанія и изъ древняго Священнаго Преданія церешедшая и за предѣлы земли іудейской; истина, воспроизведенная и размышленіемъ философовъ, раскрывавшихъ въ себѣ идею высочайшаго добра и внимательно разсматривавшихъ дѣла Божіи въ устройствѣ природы.

Лучше изъ древнихъ и новыхъ философовъ, старавшіеся подкрѣпить вѣру въ премудрость и благодѣтельность Творца, съ радостію принимали эту древнюю истину и, руководствуясь какъ началами разума, такъ и наблюденіями опыта, составили многостороннія доказательства ученія о мудромъ и цѣлесообразномъ устройствѣ міра, въ которомъ, впрочемъ, примѣшивали и произвольныя предположенія и объясненія. Въ Греціи первые слѣды этого ученія встрѣчаемъ у Пифагора, который говорилъ, что Богъ есть добро, самый умъ ¹⁾, первоначальная причина согласія, сочувствія и сохраненія всѣхъ существъ ²⁾, и первый назвалъ вселенную *κόσμος*, что значитъ Порядокъ, красота ³⁾, полагая, что всѣ существа поставлены въ стройномъ порядкѣ и благолѣпно украшены по числамъ и разумнымъ законамъ, въ нихъ пребывающимъ ⁴⁾. Подобныя понятія находимъ у Анаксагора, который называлъ Бога причиною добраго и прекраснаго ⁵⁾ и Умомъ, который всѣ вещи, бывшія прежде въ смѣшеніи, отдѣлилъ одну отъ другой и расположилъ въ порядкѣ ⁶⁾. Подробнѣе объяснилъ это Сократъ, доказывая бытіе Божіе изъ цѣлесообразнаго устройства человѣческаго тѣла и способностей душевныхъ: „Не для пользы ли людей Сотворившій ихъ вначалѣ далъ имъ всѣ чувства, — далъ глаза, чтобы видѣть видимые предметы, далъ уши, чтобы слышать, что можно слышать?.. Также и это не есть ли дѣло Промысла, что Творецъ, по причинѣ нѣжности глазъ, оградилъ ихъ вѣками, какъ дверьми, которыя, когда надобно глядѣть, растворяются, а во время сна смыкаются; и чтобы защитить глаза отъ вѣтра, покрылъ ихъ рѣсницами; а чтобы имъ не причинилъ вреда потъ, текущій по лбу, выростилъ надъ ними брови?.. Видя, какъ предумотрительно это сдѣлано, еще ли ты остаешься въ недоумѣніи: приписать ли то случаю или разумному опредѣленію? — Нѣтъ, сказалъ Аристодемъ: все это мнѣ кажется искуснымъ произведеніемъ весьма мудраго и любящаго жизнь художника“.—

¹⁾ Plutarch. De placit. philos. 1. c. 3.

²⁾ Porph. Vit. Pythæg. p. 203.

³⁾ Plutarch. De cr. phys. II. c. 1.

⁴⁾ Jambl. Vit. Pyth. 59.

⁵⁾ Aristot. De an. L. I. c. 2.

⁶⁾ Plut. De placit. phil. I. c. 12.

Послѣ сего Сократъ, упомянувъ о прочихъ чувствахъ, о нѣкоторыхъ природныхъ побужденіяхъ и о томъ, какъ полезны для человѣка прямое положеніе тѣла, руки, языкъ и даръ слова, переходитъ къ душѣ и говоритъ: „Творецъ не удовольствовался попеченіемъ объ устройствѣ тѣла, но, что всего важнѣе, вложилъ въ человѣка душу, которая превосходитъ душъ всѣхъ существъ. Ибо какое другое животное чувствуетъ, что есть боги“ (велика сила привычки! Сократъ въ душѣ вѣрилъ въ единство Божіе, а по привычкѣ повторилъ нелѣпое выраженіе: боги), „устроители всего великаго и прекраснаго? Какія другія существа, кромѣ людей, служатъ богамъ? Какая душа лучше человѣческой можетъ принимать мѣры противъ голода, жажды, холода и жара или помогать въ болѣзняхъ, или упражняться въ наукахъ, или сохранять въ памяти все слышанное, видѣнное и выученное“ ¹⁾?

Платонъ, котораго вся философія имѣетъ основаніемъ идею Божественнаго, такъ рассуждаетъ о конечныхъ причинахъ, о высочайшемъ добрѣ и объ устройствѣ міра: „Есть разность между цѣлями: одно само по себѣ достожелаемо, другое къ нему стремится; одно въ высшей степени досточтимо, другое нуждается въ немъ. Врачевства, орудія и вообще все вещество—предложены всѣмъ, какъ средства для бытія временнаго, а все бытіе временное имѣетъ цѣлью бытіе вѣчное, неизмѣняемое: оно-то и есть истинное добро ²⁾). Всякая душа стремится къ добру и все дѣлаетъ для него. Идея добра высочайшаго есть важнѣйшая наука. Только по участванію въ немъ и справедливое, и все прочее становится полезнымъ. Что бы мы ни знали, но, когда не знаемъ высочайшаго добра, нѣтъ намъ никакой пользы; чѣмъ бы ни владѣли, но безъ высочайшаго добра опять нѣтъ намъ пользы. Оно и предметамъ познаваемымъ сообщаетъ истину, и познающему—силу познавать: и потому оно прекраснѣе и знанія, и истины, которыя сродны съ нимъ, но еще не то, что оно само. Это высочайшее добро есть Богъ, первая причина всѣхъ существъ, благій и праведный виновникъ и податель всѣхъ благъ, содержащій въ себѣ начало и конецъ, и среднну всего сущаго.

¹⁾ Xenophont. Memor. Socr. I. т. 4.

²⁾ Plat. in Phileb.

Для души человѣческой—ни удовольствіе, ни знаніе не составляютъ высочайшаго блага: оно состоитъ для нея въ томъ, чтобы послѣдовать и подобяться Богу, ибо Онъ — мѣра всего. Уподобляется же Ему тотъ, кто хранитъ правду, умѣренность и благоразуміе ¹⁾. Творецъ и Отецъ всего—благъ; а благій никому и ни въ чемъ не завидуетъ. Посему Зиждитель міра восхотѣлъ, чтобы всѣ существа, сколько возможно болѣе, были къ Нему приближены и Ему подобны. Вотъ первѣйшее начало бытія міра! Восхотѣвъ, чтобы все было добро, Онъ все видимое изъ неустроеннаго состоянія привелъ въ порядокъ (потому что порядокъ лучше безпорядка) и устроилъ міръ сей по совершеннѣйшему, созерцаемому умомъ, всегда одинаковому и вѣчному образцу, такъ что онъ явился прекраснѣйшимъ отпечаткомъ этого первоначальнаго образца, пребывающаго въ умѣ Божиемъ“ ²⁾. Предположивъ сіи основныя понятія, Платонъ, въ своемъ Тимеѣ, замысловато объясняетъ численныя отношенія, по которымъ устроенъ міръ, краснорѣчиво и весьма подробно описываетъ составъ тѣла человѣческаго и служеніе членовъ его душевнымъ способностямъ, показываетъ превосходство души надъ всѣмъ тѣлеснымъ и заключаетъ свое изображеніе міроаданія словами: „Итакъ, міръ, содержащій въ себѣ все видимое, есть величайшій, наилучшій, прекраснѣйшій и совершеннѣйшій чувственный образъ мысленнаго, Божественнаго первообраза“ ³⁾.

Аристотель, показавъ четыре вида причинъ, именно: причины матеріальныя, дѣйствующія, формальныя и конечныя, говоритъ: „Все, что производятъ разумъ и природа, имѣетъ свою цѣль... Если извѣстное состояніе какой-нибудь вещи составляетъ ея совершенство, то весь рядъ предшествовавшихъ дѣйствій относится къ нему, какъ къ цѣли... Нужно различать причину конечную, для которой что-нибудь бываетъ, отъ причины движенія. Которая же изъ нихъ первая и которая вторая? Кажется, первою должна быть та, для которой что-нибудь бываетъ, потому что тутъ дѣйствуетъ разумъ; а разумъ есть первое начало какъ въ искусственныхъ, такъ и въ естественныхъ произведеніяхъ... Равно и случай позже ума и природы... Богъ и

¹⁾ De rep. l. 6. 2. De legib. l. 4. Phileb.

²⁾ Тимæeus.

³⁾ Tim.